

Платон и платонизм у Сигизмунда Кржижановского (1887-1950)

Материалы к докладу

Классическая филология и философия в Киевском Императорском университете св. Владимира (1910-1915).

Преподаватели:

А.И. Сонни (1861-1922)

Ю.А. Кулаковский (1855-1919)

В.В. Зеньковский (1881–1962)

Г.-Р. Якубанис (1879-1949)

А.Н. Гиляров (1856-1938)

Ф.М. Самоненко (1883-1938)

Русская философия втор. пол. XIX– нач. XX века и платонизм: В.Н. Карпов, А.Н. Гиляров, А.А. Козлов, В.С. Соловьев, С.Н. Трубецкой, Вл. Эрн.

Особенности цитирования источников у Кржижановского.

Платоновские темы у К., инспирированные современниками.

Четыре модуса присутствия Платона и его теорий у Кржижановского:

- 1) знание Кржижановским доксографических сведений о Платоне;
- 2) прямое обращение Кржижановского к Платону, его диалогам и отдельным теориям;
- 3) использование Кржижановским 6-томного собрания сочинений Платона в переводе и комментариях В.Н. Карпова;
- 4) творческая переработка Кржижановским платоновских идей, мифов и образов в художественной прозе.

Обсуждаемые фрагменты из Кржижановского

1. ДОКСОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

1.1 К: «Мысль Платона не начинала еще своего полета, когда носитель ее был пророчески назван: Платон — *πλατύς*, то есть **Широкий**. И знаешь... На севере родится мыслитель: вся жизнь его будет порывом к выходу из узких русл: партий — народа — исповедания. Он умер в с. Узком»

К: «Предание о “**сожжённой** трагедии Платона”: мышление как **разговор двух разговоров**»

К: «Платон, который после встречи с Сократом, как сообщает предание, **бросил в огонь** свою юношескую **пьесу** и стал писать диалоги, по существу, не отказавшись от драматургии: диалог — это есть основа, зерно драматического действия»

Диоген Лаэртский: «получил имя Платон (*Πλάτων*) за свое крепкое сложение...или за широту (*πλατύτης*) своего слова... или за **широкий** (*πλατύς*) **лоб**...»

Широкий лоб как отметина персонажей-философов в прозе Кржижановского.

К: «Солдат: Говорят, что петух, после того как потопчет курицу, становится грустен. Это тема для философов, но не для солдат. Но вот, вчера я гнал партию философов. И был среди них один, который мне понравился. Так, щуплый человек, **в плечах лба поуже**. Но он говорил, будто весь наш мир — это бегство, отчего и почему — я не понял. Хорошая философия для полководцев»

1.2 К: «И Диоген, бросивший ощипанную курицу к ногам Платона со словами *Се человек* (Диоген Лаэртский), и Пилат, указывавший толпе *Се человек*, — оба (по-своему, конечно) были правы, но первый резюмировал по внешней форме, второй — по внутреннему существу».

2. ЗНАНИЕ КРЖИЖАНОВСКИМ ОТДЕЛЬНЫХ ДИАЛОГОВ ПЛАТОНА

2.1. «ФЕДОН»

К: «О людях, заболевших... миром. Да, есть и такая болезнь. И не о ней ли сказал Сократ: *Философствовать значит — умирать?*»

К: «Вспоминая в своем диалоге *Федон* о смерти учителя, обвиненного в развращении юношества и отрицании бытия богов, Платон приписывает Сократу, уже принявшему цикуту, следующую заключительную фразу всей его жизни: *Не забудь принести в жертву Эскулапу петуха*. Петуха приносили в жертву богу-целителю в благодарность за излечение».

2.2. «ГОСУДАРСТВО» и «ТИМЕЙ»

2.2.1. К: «Платон (428–347 до н.э.) написал относимый к позднему периоду его творчества **пространный диалог с подзаголовком: «О справедливости»**. Тема: построение идеального государства. Государство это должно быть **подобно человеческому организму**, главными органами которого являются: **мозг, сердце и печень**. **Добродетелью мозга** (точно цитирую философа) **является мудрость**; сердца — храбрость; печени и связанного с ней пищеварения — умеренность. Сообразно с этим платоновское государство распадается на **три сословия**: философов, управляющих государством; воинов, защищающих его; земледельцев и ремесленников, отдающих первым двум сословиям продукты своей работы и оставляющих себе лишь самое необходимое. **Схема эта** — через много веков — при феодальном строе получила некое подобие осуществления. Были и воины, и проникнутый “добродетелью умеренности, разбитый на цехи” класс ремесленников и холопов. Не хватало только одного: мудрецов. Времена были темные, культура сумеречная. Вместо философии — слепая вера и изуверство».

2.2.2. К: «Ещё Аристотель сказал — медитировал я, — что общество — это “большой человек”».

К: «Я думал, что путанные медитации мои об Аристотелевских большом и малом человеке распутали теперь для меня все свои узлы: теперь я, м и к р о ч е л о в е к , познал м а к р о ч е л о в е к а до конца».

2.2.3. К: «Вытекающий из учения об идеях взгляд на государство, как на осуществление высшего блага в человеческом обществе, вполне совпадает в этом тонком рассуждении Платона (во 2-4 книге “Государства”), с теми требованиями, которые предъявляются к государству, как к продукту естественной потребности: государство в нём должно принадлежать философии, — учению о высшем благе, о целях мира и человека».

2.2.4. К: «Эзотеризмы и экзотеризмы. Истина — для избранных. А именно: для *избранных истиной...* Экзотический стиль истины. Короче, стиль, занавешивающий истину, прячущий её от «непосвящённых». Пример: Шлейермахер, который, переводя диалог Платона «О справедливости», наткнулся на зашифрованное место (пифагореизмы), прекратил перевод и «задумался на целых одиннадцать лет» (примечание о Шлейермахере)».

2.2.5. «Образные примеры в философии. Метафоры в метафизике. Образ «пещеры» Платона. Мифы о Лете, Цикадах и т. д., которыми заканчивается почти каждый его диалог».

2.2.6. Мир не погиб: Померк лишь отсвет мира...
 Всё те же фонари. Залп. Ругань. Стук шагов.
 Над мыслью — гимн **семиорбитной** Лиры.
 Над трупом — пять дымящихся стволов.

2.2.7. «В главе “Иерархии идей” Платона — не идея блага, как думалось философу, а идея **пользоваться чужими идеями**».

2.2.8. Платоновский миф о пещере: В.Ф. Эрн, Вяч. Иванов, М. Волошин.

Противостояние и переплетение нумена и феномена, вещи и тени, реальности и сна у К.:

Magnus Contemplator (ок. 1918):

«Quod est finalis Causa? — он пишет,
 И видит: тени пали от идей;
 Из теней мы. И нас в волнах кольшут
 Удары Логоса немеркнувших лучей».

Страна нетов (1922), Т. 1, с. 266: «...нельзя сказать с уверенностью, существует ли **тенное тело** или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что **тени** [= затемнения] отбрасываются какими-то там вещами [= предметами], но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, **вещи ли тенями** [= представлениями] — и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями»;

Там же, с. 276: «Я покинул нетовую страну, где

тени отбрасываются вещами [предметами], а **вещи отброшены тенями** [= представлениями]...
 Снова пересек я миры:
мир теней без вещей [тени преисподней, ночные призраки, изображение на холсте];
мир вещей [= предметов], **оброненных тенями** [= представлениями, мыслями];
мир теней [= затемнений], **трусливо дрожащих у подножия вещей** [= предметов] (здесь я окончательно простился с моими знакомцами нетами), — и наконец достиг страны, где **вещи без теней** [= идеи]: здесь все было залито не покидающим зенита светом»;

Четыре вида бытия, перечисленных автором суть (снизу вверх):
 — призраки (преисподняя)
 — сфера воображаемого
 — чувственная реальность
 — идеи

Эта четверица образует логический квадрат:

идеи (вещи, не тени)	представления (не тени, не вещи)
предметы (вещи, тени)	призраки тьмы (тени, не вещи)

Философема о театре (1923), Т. 4, с. 50-51: «Но вещи, которые легко мыслимы без теней, которым тени для их бытия не нужны и излишни, все же неизменно обрастают движущимися пятнами теней. Нумен, вещь в себе, которой достаточно себя для себя, все же вопреки всяким логикам и мыслимостям, обрастает феноменами... Брошенные из мира сутей в мир возникающих и никнущих явлений, мы продолжаем относиться к ним, как к сутям: свои представления принимаем за вещи. Но переставив их с земли на помост сцены, из мира явлений в мир явления явлений, мы и относимся к представлениям, как к “представлению”, не ища за этим сном во сне никаких вещей»;

Штемпель: Москва (1925), Т. 1, с. 532: «Тени, в отрыве от вещей, быт в отрыве от бытия — бессильны и мнимы. Ведь быт — “и я” бытия; своим “я” он не богат. И если уж отрывать от вещи тень, от бытия быт, то незачем останавливаться на полпути; надо, взяв быт, оттяпать ему его тупое “т”: бы — чистая сослагательность, сочетанность свободных фантазмов, которые так любит А. Грин, — вот первый выход из мира теней в мир прихотливой романтики; бытие, в которое, как слог, как ингредиент, включен быт, — вот второй выход из “обители теней”: он известен, пожалуй, лишь одному Андрею Белому»;

Боковая ветка (1927–28), Т. 1, с. 491:
 Леди и джентльмены, сны и сны,
 Солнце — лишь грош из рваной сумы...
 Жизнь — стлань теней, лёт лет над Летой.
 Уснуть-умереть: “За власть поэтов”

Швы VI (1927–1928), Т. 1, с. 407-408: «Мне позволены только тени от вещей; вещи вне моих касаний... Мне невыгодно, понимаете, невыгодно повторять вслед за всеми: тень отброшена вещью. Нет, в моем минус-городе, в призрачном, минусовом мирке имеют смысл лишь минус-истины, — лишь упавшая на свою вершину правда. Следовательно: вещь отброшена тенью... Если оттуда, из иного мира, не дано мне ничего, кроме поверхностей, теней, лжей и обложек, то и я вправе заподозрить, что под всеми их обложками — лжи, и что все их вещи — тени моих теней»;

Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот 4 (1936), Т. 4, с. 346: «Дон Кихот бьется за иллюзии, за сны против яви. Сэр Фалстаф... знает, что пробуждение всегда побеждает сон, что не тени, как бы ни прекрасны были они в своем силуэтном контуре, отбрасывают вещи, а вещи отбрасывают тень... Иллюзии Фальстафа противопоставляет иронию, теням — реальные... вещи»;

Фрагменты о Шекспире (1939), Т. 4, с. 375: «Дон Кихот рассказывает раскрывшим рты от изумления слушателям о тенях людей, населяющих таинственную пещеру. Тени эти, однако, действуют по закону солнца»;

Там же (Шекспир и пятиклассник), с. 383: «Раньше казалось все так просто: вещи отбрасывают тени, а теперь получилось: тени отбрасывают вещи, а может быть, вещей и вовсе нет, а есть лишь “вещи в себе”. Но как же тогда существуют тени? И значит, “я” — тень...»

2.4. «ФЕДР».

2.4.1. К: «Как громко звенят цикады в траве. Мне вспомнилась вдруг старинная притча, рассказанная Платоном. Сократ и двое его учеников сидят под тенью деревьев возле ручья. И Сократ рассказывает о рождении музыки на земле. Когда **идея музыки**, говорит он, впервые поселилась в срезанных стеблях тростника и в струнах первой лиры, многие люди были так **очарованы** её явлением, что **позабыли обо всем**. Свои губы они отдавали только свирели, свои руки — лишь струнам, не думая о добывании денег. Понемногу лица их истончились, тела исхудали, пальцы иссохли, как стебельки травы, голоса стали, как шуршание цикад. И вот, в один из солнечных полдней, как сейчас, волею Аполлона к их плечам прирости крылья — и **они превратились в звонко поющих цикад**. Не они ли звенят сейчас вокруг нас в этой зеленой траве?»

К: «Так рассказывал мне тот весёлый старик, с которым меня свело перекрёстком. Но тени деревьев стали коротки и подбираются к корням. Нам лучше свернуть с дороги и переждать **полдень**. Когда **оба, отговоривший и отслушавший**, омыв руки и лица в **придорожном ручье**, сидели, **спинами в тёплую кору пиний**... Тени опять стали длинниться. Обод Гелиоса перевалил через зенит. Пора и нам»

«Умер от солнечных стрел»: В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, А. Белый.

2.5. «ТЕЭТЕТ»

2.5.1. К: «“Неграмотный” Сократ. Стиль рынка, палестры и уличного перекрёстка. **Система наводящих вопросов**. Стилизация речи Сократа в диалогах Платона».

«Сократ, сын **повивальной** бабки, принадлежавший к мелкобуржуазной интеллигенции древних Афин...»

2.5.2. К: «Весь наш **мир — это бегство**... Хорошая философия для полководцев».

2.5.3. К: «Платон, отрицающий слово на том основании, что при произнесении последнего его слога мир успел уже измениться со времени произнесения первого слога слова (Протагор)».

2.6. «СОФИСТ»

«Будем рассуждать строго логически: поскольку при поцелуе рту нужен другой рот, то этим самым вводится категория **д р у г о г о , т õ Ё** теров, как выразился Платон».

«Запуганные ещё Платоном и Беркли, феномены, которые и так хорошо не знали, суть ли они, или не суть...».

3. ПЛАТОН В ПЕРЕВОДЕ И КОММЕНТАРИЯХ В.Н. КАРПОВА

Сочинения Платона, переведённые с греческого и объясненные проф. Карповым. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1-6 (СПб., 1863-1879).

1. «**Пестротой** слов человек **разделяет** свою **душу** на множество способностей, наделяет их самостоятельностью и, увлечённый словосечением, часто забывает, что все эти способности только отдельные струи, временные течения в едином русле души. Мы различаем **ум** и **чувство**; познание отграничиваем от **любви**, стараясь чуть ли не противопоставить их... Идеально верному **методу** может нас научить, в сущности, *только сама истина*, — так как лишь тот **метод**, который дал постижение истины, может быть признан вполне проверенным и оправданным; т.е. вполне верный **метод** находится человеком тогда, когда он ему, собственно, и не нужен, так как истина оказывается уже найденной и нужда в каких-либо **методах** исчезает... Хочет ли человек истины или боится её, — истина медленно и непреодолимо выкристаллизовывается в нём».

3. «Любовь разрушает деление на “я” и “не-я”, опрокидывает искусственные стенки логических определений, стремящихся раздробить и распылить бытие: ...любовь **интегрирует раздробленную рассудком жизнь** и даёт мистическое ощущение единства, слиянности отдельных проявлений бытия. Стремиться же **рассматривать мир как единое**, а каждую отдельную вещь в нем и самого себя как часть, нераздельно с Единым связанную, — и есть познавательное отношение к бытию. Таким образом, любовь является по праву носительницей познания. (Известно, что до вступления в различные эзотерические философские союзы древности **неофиты** подвергались особому духовному экзамену — косвенно проверялась их способность к **самоотречению** и любви). ...Великая простота, «**Единое во многом**», другими словами — истина, и есть великая награда любви».

4. ««Любовь это сокровенный таинственный акт, разрушающий сеть **«явлений-обманов»**, стоящих между душой и миром»... Только любовь — как истинное познание — является **разрешающим синтезом** всех отдельных, частичных деятельностей духа».

6. «Все, стремящиеся определить и описать чувство любви, помимо указаний на её познавательный смысл (... см. у Платона в «Пире» описание Диотимы), — все, вместе, от Платона до Фомы Кемпийского, изображали любовь как великую радость, как сладостный свет и награду совершенной души... Если любовь даёт истинное

ощущение мира, и ощущение это прежде всего — радость, то не следует ли допустить, что основа мира радостна, что всё воспринятое *sub specie aeternitatis*, преломлённое в очищенном сознании, воспринимается как кристаллизованное благо, как затемнённая нашим несовершенством идея блага, воплотившаяся во множестве? (Точка зрения на мир как на проявление идеи блага высказана впервые Платоном. См. его “О государстве”)).

7. «Постигающая мысль — это чистое жертвоприношение Афродите Небесной — и высшая, наиболее рафинированная форма искания истины».

Федр 265с – 266с: «Кто постигает искусством силу тех **двух... родов** [речей-рассуждения], тот не будет неблагодарен... [Первый род — это когда]: смотря на одну идею (ἰ δὲ αὖ), стараются подвести под неё рассеянное (τὰ πολλὰ καὶ διεσπάρμενα), чтобы, определяя каждый предмет, выяснить, чему хотят учить, подобно тому, как теперь об Эросе... определено, что такое он... Другой [род], наоборот, состоит в умении делить предмет на виды (κατ' εἴδη)... В тех двух речах [о двух видах любви]... первая... дотоле не остановилась в делении, пока не нашла... [чувственной] **любви** и по надлежащему не побранила её; а вторая [речь]... открыла... божественную любовь и, выставляя её на свет, восхвалила, как причину величайших благ... Этих-то делений и соединений (διαρέσειν καὶ συναγωγάς), Федр, я и сам поклонник (ἑραστὴς) — это помогает мне говорить и мыслить. И если я кого-нибудь почитаю способным всматриваться в **одно и многое** по природе, то гоняюсь “за ним по пятам, как за богом”... Людей, могущих это, я доньше... называю диалектиками (διαλεκτικοὺς)»

Карпов, Т. 4, с. 91, прим. 1: «Здесь, очевидно, говорится о двух **методах познания**, – синтетической и аналитической: первую греки звали θεωρεῖν αὖ или μέθον συνθετικῆν, а вторую – μέθον διαρετικῆν. Arist. Top. 1711, 2. Одну из них Сократ выдержал в первой своей речи, другую – во второй».

Карпов, Т. 4, с. 92, прим. 2: «**Всматриваться в одно и многое по природе** — εἰς ἓν καὶ πολλὰ ὁρᾷν. Эти слова Платон понимает не просто как логическое правило деления и соединения понятий, но как диалектическую **методу** исследования самих вещей. Всякая вещь по своей природе есть **одно и многое**: одно в ней – идея, обнаруживающаяся единством внешней формы; многое – части ее, которые, будучи взяты сами по себе, опять суть идеи, и следовательно, опять содержат в себе многое. *Parmenides* 157, 158».

Там же, Т. 4, с. 63, прим. 3: «Это выражение приурочено к обрядам **при освящении инициатов в таинства**. Инициаты должны были отличаться чистотой и непорочностью души. Прежде чем вводили их в сокровенный смысл оргий, им позволялось видеть только образы богов, φάσματα. В таинстве посвящения душ в жизнь блаженную этим образам или видениям Платон уподобляет идеи, представляемые созерцанию человека философией».

Федр 277BC: «кто, рассматривая... природу души, не будет искать приличного каждой природе вида и не постарается располагать и украшать свою речь так, чтобы **разновидной** душе высказывать разнообразные и совершенно стройные... мысли: тот... не сделается в искусстве сильным ни для научения, ни для убеждения».

Карпов, Т. 4, с. 112, прим. 1: «**Разновидной душе... разнообразные и совершенно стройные... мысли** – ποικίλη καὶ παναρμόνιος οὖς... λόγους. Слово **ποικίλος** употребляется для выражения разноцветности в природе, искусствах, одеждах и проч. Прилагаемое к душе, это слово метафорически означает душу, обогащенную различными познаниями, образованную и действующую под условиями светских приличий. Для такой души и нужна **речь**»

Карпов, Т. 4, с. 134: «Сократ... прикрывает своё учение авторитетом мантинейской жрицы Диотимы, у которой научился он, говорит, так смыслить об Эросе... В лице этой женщины является служительница богов, которая поэтому считает справедливым изучать природу Эроса на пути отношений человека к миру метафизическому... Жреческим значением Диотимы делается наведение на мысль и о направлении стремлений Эроса – не от людей к людям, а к прекрасному божественному... Диотима как жрица... как окрылённая религиозным восторгом философа...»

3.2.2. Дискуссия о месте рампы (оркестры, проскениума) в греческом и современном театре: Вяч. Иванов.

К: «Люди из **бытия** (метафизики), существа из **быта** (обыватели) и существа из **бы** (актеры), приходят в театр с разными целями. Каждый обращается со сценизмами по-своему: отсюда и возникает насилие над театром, ведущее к заболеваниям рампы, искривлениям ее, которые опаснее для организма театра, чем искривление позвоночника для организма человека. Человек из бытия, вырвав из рампы ее огни, которыми крепко, как желтыми гвоздями, прибита она к своему месту, норовит ее поставить по вертикали: трехярусный вертеп и полутьма мистерий — простейшие примеры. Быт поворачивает рампу на 90° по горизонтали: она, как коромысло весов, пробует

уравновесить сценический помост с полом зрительного зала, показывая зрителям их самих. **Так нить, соединяющая два сосуда, жидкость в которых на разных уровнях, вскоре их нивелирует.** Но не даром помост чуть приподнят над землей: если сцена и земля — две чаши одних весов, то естественно, что чаша с невесомыми призраками должна подняться кверху. Это понимают лишь люди из б ы : им и принадлежит по праву поднявшаяся кверху — сценической площадкой — земля».

Пир 175D: «Сократ: Прекрасно было бы, Агатон, если бы мудрость была такова, что из полнейшего между нами текла (ῥῆϊν) бы в пустейшего, когда мы прикасаемся друг к другу, как вода в чашах из полнейшей **через шерсть** (διδ' τοῦ ἑρίου) течет в пустейшую».

Карпов, Т. 4, с. 151, прим. 1. «Подобие представляет две соприкасающихся своими краями чаши, из которых одна наполнена водою, а другая пустая. Внутренние полости этих чаш приведены в сообщение мокрой шерстяною **покромкою** так, что один конец её опущен в чашу с водой, а другой в чашу без воды. В таком случае вода из чаши полной должна, через шерстяной проводник, переходить в чашу порожнюю».